

К вечеру дети снова раскапризничались. Угмонить их удалось только после того, как каждый по очереди поговорил по телефону с папами.

Среди ночи Чэншань вдруг проснулся и залился слезами. Сквозь сон он жалобно звал родителей, размазывая кулачками слезы по лицу. Глаза у малыша слипались от усталости, но засыпать наотрез отказывался — так и всхлипывал до самого утра.

Раньше за ним такого не водилось. Никто в семье и подумать не мог, что шестилетний Чэншань окажется самым ранимым и капризным среди детей, настолько сильно привязанным к отцам. Ван Сюань полагал, что мальчик просто немного поскучает, но реальность оказалась куда сложнее.

Ли Сы тоже не смыкал глаз всю ночь. Няня без устали качала Чэншаня на руках, баюкала, и лишь к самому рассвету измученный мальчик, опухший от слез и зевающий во весь рот, наконец заснул. Но стоило ему забыться сном, как для взрослых отдых окончательно закончился. Все поднялись ни свет ни заря: во дворе закипела привычная жизнь — кто-то принялся за готовку, кто-то взялся подметать дорожки, колоть дрова или греметь у колонки, накачивая воду.

Около семи утра поднялся Бэйшэн. Первым делом он разбудил племянника и племянницу, которые успели уснуть после ночного переполоха. А вот Чэншань сладко спал без задних ног — сказывались ночные слезы.

— Пусть спит, не трогайте его, — заговорщически прошептал Бэйшэн остальным. — Мы пока умоемся, а потом отправимся исследовать деревню. Пойдём посмотреть на огромного быка, а соню с собой не возьмём!

— И не надо, — согласилась Чжэньчжэнь, потирая заспанные глаза пухлыми кулачками. — Он нам всю ночь спать не давал.

Перед сном няня расплела ей косички, и теперь её волосы забавно пушились, а на затылке торчал непослушный вихор. Она потянулась к Бэйшэну, чтобы тот снял её с кровати, и, едва коснувшись пола босыми ногами, шустро потопала в уборную.

Чэнху выбрался сам. Недолго думая, он стянул пижаму и остался в одних трусиках с суперменом. Бэйшэн, глядя на него, сонного и потешного, едва сдержал смех. Маленький Чэнху был светленьким, крепеньким мальчиком с упитанными ножками и круглым животиком. Ещё толком не проснувшись, он сладко зевнул во весь рот и, шлёпая босыми пятками, умчался вслед за сестрой.

Глядя на то, как племянник забавно приплясывает на ходу, Бэйшэн сразу понял: малец просто очень хочет в туалет. Лето стояло жаркое, простуды можно было не бояться. Перепоручив детей заботам няни, Бэйшэн вернулся к себе, прихватил зубную щетку с пастой и отправился к колодцу умываться.

Завтрак закончился, стрелки часов приближались к восьми, а Чэншань всё ещё дрых без задних ног, свернувшись калачиком, точно сытый поросёнок. Бэйшэн предупредил Ли Сы, собрал оставшихся племянников и уже собирался вывести их со двора, как вдруг в калитку вошел Цичжи, ведя за руку своего сына Шитоу.

Мальчишку по паспорту звали Ли Лэй, но домашнее имя «Шитоу», что значило Камешек, прижилось куда лучше — так его все и звали.

— И куда это вы намылились спозаранку? — весело окликнул их Цичжи.

— Утречко! Вы-то сами позавтракали? — спросил Бэйшэн. С Цичжи они не то чтобы близко дружили, но знали друг друга прекрасно.

— Давно уже. Да вот, решили заглянуть, проведать гостей. Как вам деревенское житье-бытьё, привыкаете?

Цичжи подтолкнул сына вперед:

— Вот мой оболтус, Шитоу. Он всего на полгода младше тебя, Бэйшэн, так что считай ровесники. Ты-то в середине года родился, а он в самом конце, едва на следующий не опоздал. Деревню он знает как свои пять пальцев — каждые каникулы тут проводит, со всей местной детворой знается. Пусть покажет вам тут всё.

Затем Цичжи строго взглянул на сына:

— Шитоу, это Бэйшэн. Будешь звать его дедушкой-дядей. Он родному брату твоего дядьки Гоуданя приходится. Ну а эти двое мелких — твои дяди. Давай, веди их играть.

И он легонько хлопнул сына по костлявому плечу.

Бэйшэн только мысленно вздохнул: «Вот же черт... Опять за старое». В большой деревенской родне путаница с поколениями вечно приводила к нелепостям. Малоприятно в подростковом возрасте щеголять статусом дедушки. Ни семьи, ни забот, а уже почтенный старец!

Шитоу тоже приуныл. Звать ровесника дедом, а этих карапузов — дядьями? Ну уж нет, дудки.

— Привет, я Ли Лэй. Ну или просто Шитоу. А ты, стало быть, Бэйшэн...

— Ах ты паршивец! — Цичжи отвесил сыну несильный подзатыльник, отчего тот слегка качнулся вперед. — Какой еще Бэйшэн? Он тебе дед, соблюдай приличия!

— Да ладно тебе, Цичжи-гэ, — вмешался Бэйшэн. — Пусть зовет по имени. А то от этих дедушек я себя древним стариком чувствую.

— Ха-ха-ха! — раскатисто расхохотался Цичжи. — Да ладно тебе скромничать! Твой старший брат, Гоудань, в этих делах куда проще. Ему как с детства начали «дядюкать» да «дедукать», так он только рад был, принимал как должное. Ну да ладно, сейчас времена свободные, играйте как хотите. Пойду твоего отца найду, перетолковать надо об одном деле.

Цичжи махнул рукой на прощание и зашагал к дому.

Бэйшэн поспешил увести притихших детей со двора, пока Шитоу не заставили кланяться в ноги малолетним племянникам.

Шитоу ухмыльнулся:

— Да ладно, мой отец всегда такой. Больше десяти лет в школе преподает, вот и привык читать нотации по любому поводу. Бубнит и бубнит, чистый консерватор.

Бэйшэн мысленно хмыкнул. Брат Гоудань как-то упоминал, что Цичжи — парень ушлый и хитрый, так что педагогическая строгость, скорее всего, была лишь маской. Впрочем, какое ему дело?

— Ну и где тут у вас самое интересное? — спросил Бэйшэн. — Только чур далеко не ходить и в дебри не соваться. Сами видите, у нас тут малышня.

Шитоу окинул взглядом Чжэньчжэнь и Чэнху. Дети выглядели так, словно сошли со страниц модного журнала — чистенькие, нарядные, ну прямо юные господа из богатого дома. Чэнху щеголял в шортах на подтяжках, с крошечной бабочкой у воротника и в лакированных туфельках. Волосы его были аккуратно зачесаны на пробор. Чжэньчжэнь красовалась в розовом пышном платье, а на макушке у неё красовался забавный пучок, заколотый блестящей заколкой.

На фоне пыльных деревенских улочек они смотрелись вызывающе чужеродно.

Заметив недоумение на лице проводника, Бэйшэн пояснил:

— Они всегда так одеваются дома. Я совсем забыл сказать няне, чтобы подобрала вещи попроще. Ну да ладно, переодевать уже некогда, пошли так.

— Да ничего, — Шитоу почесал затылок. — У нас сейчас почти везде цемент положили, дороги чистые, обувь не испачкают.

— Мы хотим посмотреть на корову! — звонко объявил Чэнху.

— Нет, сначала на белых гусей! — тут же перебила его сестренка.

— Раз так, пошли к моей бабушке, у неё как раз гуси есть, — предложил Шитоу.

Бэйшэн кивнул, и они двинулись в путь.

По дороге к ним то и дело примыкали другие деревенские ребята. Слух о том, что городские приехали смотреть на гусей, разлетелся мгновенно. Местным эта затея казалась верхом глупости — чего они там не видели? — но поглазеть на нарядных приезжих хотелось всем. Вскоре скромная прогулка превратилась в шумное шествие.

— Вот они, бабушкины питомцы, — Шитоу указал рукой во двор. — Раньше больше было, да к праздникам порезали, только эти двое и остались.

Чжэньчжэнь присмотрелась. Две крупные птицы лениво бродили по двору, вытягивая шеи и что-то выискивая в пыли. Вот только перья у них были грязно-серого, бурого цвета — видно, мылись они очень давно. Да и крылья у них были подрезаны, чтобы не улетели.

Местные мальчишки недоумевали: ну гуси и гуси, обычная еда. То ли дело в речке искупаться или в лес за земляникой сбегать! А эти стоят, рты разинули.

— Нет, это не они, — разочарованно протянула Чжэньчжэнь, качая головой. — Они совсем не белые! Вы всё перепутали.

— Как это не они? — удивился Шитоу. — Самые настоящие гуси!

Бэйшэн поспешил вмешаться:

— Ладно тебе, Чжэньчжэнь, это просто порода такая. Шитоу, а есть те, которые в воде плавают? Нам бы на пруд взглянуть.

— А, ну это на общую запруду надо идти, — сообразил Шитоу и повел ватагу к воде. — Вон там смотрите!

На зеркальной глади пруда действительно покачивалась стая птиц — серые утки и крупные белые пекинские утки.

— Чжэньчжэнь, гляди, вон те тебе нравятся? — спросил Бэйшэн.

— Ой, белые гуси! — восторженно захлопала в ладоши девочка. — Настоящие белые гуси, на воде качаются!

Она подбежала поближе к берегу и, сияя от счастья, принялась громко, выразительно декламировать детское стихотворение:

— «Гуси, гуси, выгибают шеи к небесам, белый пух на синей глади, лапки — тут и там!»

Деревенская ребятня притихла, переводя взгляд с восторженной девочки на кричающих уток. В их глазах явно читалось: «Красивая девчонка, нарядная... но, кажись, умом тронулась. Уток от гусей отличить не может, да еще стихи им читает».

Налюбовавшись «гусями», компания двинулась к загону с крупным рогатым скотом. Увы, романтика на этом закончилась. Загон оказался грязным, неухоженным, густо заваленным навозом, над которым вились тучи жирных мух. Тяжелый, удушливый запах ударил в нос еще на подходе.

Чэнху, который всю дорогу грезил о том, как оседлает могучего быка, резко затормозил. Приближаться к этой зловонной жиже у него пропало всякое желание.

Коровы в деревне содержались по-разному: кто-то чистил стойла каждый день, заботясь о скотине, а кто-то ленился, и бедные животные стояли по колено в грязном месиве из навоза и соломы.

Огромный бурый бык, привязанный к столбу, на детей даже не взглянул. Он лениво жевал жвачку, изредка хлопая себя ушами и хвостом, чтобы отогнать назойливую мошкарку, да шумно вздыхал, чешась боком о шершавое бревно. Копыта его глубоко увязали в навозной жиже, и при каждом шаге во все стороны летели вонючие брызги.

Чэнху надул губы и обиженно посмотрел на Бэйшэна. Всем своим видом он безмолвно вопрошал: «И вот это, по-твоему, веселье?»

Бэйшэн смущенно потер нос и уставился в небо. Ну откуда ему было знать? Он ведь и сам бывал в деревне от силы пару раз, да и то безвылазно сидел во дворе. Детские воспоминания всегда кажутся ярче и чище, а суровая реальность крестьянского быта быстро расставила всё по местам.

— Эх... Ладно, Шитоу, води нас обратно на нормальную дорогу. Хватит с нас пока зоопарка, — вздохнул Бэйшэн.

Чэнху брезгливо посмотрел под ноги. Его лакированный туфель наступил во что-то подозрительное. Мальчик принялся яростно тереть подошву о сухую траву, пытаясь избавиться от налипшей грязи.

Заметив уныние племянника, Бэйшэн попытался его приободрить:

— Ну чего ты нос повесил? Выше голову! Это ведь наша историческая родина. Здесь твои папы выросли, бегали по этим самым улочкам.

Чэнху недоверчиво вскинул голову:

— Маленький дядя, ты опять сочиняешь! Наш дом в столице, я наизусть знаю адрес: улица... и телефон папы... и телефон папы Вана... Они работают в больших офисах! Как они могли вырасти в этой грязи?

Эти важные сведения детей заставили выучить назубок на случай, если они потеряются. Чэнху свято верил цифрам и фактам, а потому рассказы Бэйшэна казались ему чистой выдумкой.

Попытка переубедить упрямого племянника ни к чему не привела, и Бэйшэн только вздохнул. Быть названным обманщиком от собственного племянника было немного обидно.

<http://bllate.org/book/19654/1996900>